

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Введение. «Между научной теорией и непосредственным восприятием жизни»	7
2. Начало: «Все пережитое было только вступлением и увертюрой» (1890–1917)	22
3. Блокада (1941–1945)	29
«Как мы жили? Как мы прожили эти годы?»	29
«Голод и полная отмена цивилизации»	39
«Глотать и испражняться он вынужден был по принуждению...»	44
«Зависимость, голод — и непосильное обязательство по гроб!»	45
«Советская Тиамат»	48
«Сталинский кровавый режим и слепота матери замучили, как в застенке, мою жизнь»	52
«Наша драма была в том, что нас заперли и забили в общий склеп»	59
«Только катастрофа могла вывести нас из этой преисподней»	63
4. После войны (1945–1950)	68
«Второе рождение мертвецом в мир»	68
«Кто может описать советский быт?..»	73
«Это простой обыденный советский день»	77
«Склоки на кафедре»	82
«...чтоб окончить рассказ о своей последней любви»	86
«Возродились публичные поруганья»	89
«Архив приобщал меня к братству мирового человека»	93
«Моя жизнь окончена. На этом я обрываю ее рукопись»	96
«По-видимому, без этих записок я обойтись не могу»	100
«Университет разгромлен»	104
«Записки, эти записки! Я боялась обыска не за себя, но за них»	132

5. «...Чтобы заполнить лакуну»: С поступления в университет до последней войны (1918–1941)	134
«Я поступила в Петербургский университет»	135
Петроград в блокаде	137
«Вход в науку»	140
«Мое вхождение в академическую среду»	145
«Квартирный вопрос»	153
«Я жила Хоной...»	157
Тристан и Исольда	161
«Моя кафедра»	163
«Оглядываясь назад, видишь»	164
«Ваша книга конфискована»	168
«Не знаю, как историки будут описывать 1937 год»	172
«Я писала для него свою автобиографию»	177
6. Мифополитическая теория Ольги Фрейденберг в контексте политической мысли ее времени	180
Новая форма правления	180
Бытовой террор	182
Биополитика	184
Надзор и идеология	186
Террор (1937 год)	188
Война всех против всех	190
Левиафан	192
Принцип вождизма и политическая религия	198
L'état de siège	203
Философия истории	208
Подводя итоги	211
Свидетельство Лазаря	213
7. Окончание (1950)	215

1. ВВЕДЕНИЕ

«МЕЖДУ НАУЧНОЙ ТЕОРИЕЙ И НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ВОСПРИЯТИЕМ ЖИЗНИ»

С самых ранних дней детства, как только во мне проснулось сознание <...> у меня было чувство <...> что все то, что находится во мне и вне меня, не исчерпывается собой, а имеет значение (I–II, 1)¹.

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) написала эти слова на первой странице своих записок, когда работа уже подходила к концу. Она пояснила, что при других обстоятельствах могла бы стать религиозной, но, родившись в секулярной еврейской семье, выбрала другой путь — литературу. В отличие от двоюродного брата, Бориса Пастернака, Фрейденберг не обладала талантом писателя. Она стала филологом. Когда Фрейденберг размышляла о своей с детства усвоенной логомании («чувство, что все <...> имеет значение»), к концу подходила и ее карьера профессора классической филологии в Ленинградском университете.

¹ Здесь и далее записки Фрейденберг цитируются по машинописным копиям, находящимся в архиве Гуверовского института в Калифорнии: *Freidenberg O. Memoirs, holograph and typescript* (Books 1–34). Pasternak Family Papers. Hoover Institution, Box/Folder 155–159. Ключевые цитаты выверены по рукописным тетрадам. При цитировании указаны номера тетради (римскими цифрами), главы (после двоеточия) и страницы (после запятой). В тетради I–II (где главы нумерованы по-другому) привожу только номера страниц; так же и в тетрадях XXXIII и XXXIV, где главы не нумерованы. Сохранены особенности правописания и пунктуации оригинала. Я глубоко признательна Ann Pasternak Slater и Елене Владимировне Пастернак за предоставленную мне возможность работать с рукописями и фотокопиями еще до их поступления в Гуверовский институт.

Презумпция смысла была свойственна гуманитарной мысли на рубеже двадцатого века. Достаточно вспомнить о герменевтике Вильгельма Дильтея. «Жизнь» или «переживание жизни» (*die Erlebnisse*) получают «выражение» и «объективируются» в формах культуры и искусства, и именно человек искусства в своей способности дать выражение жизненно-му опыту является подлинно живущим. Но что же делать человеку, которому отказано в художественном таланте? Такому человеку остается путь «дешифровки» выражений опыта. В этом качестве историк или филолог становится художником второй руки, способным к повторному переживанию (*das Nachleben*) жизни. Так описала герменевтический метод Ханна Арендт в эссе «Дильтей как философ и историк» (1945)¹. В 1945 году, находясь в эмиграции в Нью-Йорке, Арендт смотрела на эти гуманистические представления с позиции человека эпохи Гитлера и Сталина. В это время она начинала работать над анализом тоталитаризма.

Арендт пишет о понятии жизни, исполненной смысла и доступной пониманию благодаря усилиям искусства или истории, с горькой иронией. Слова Фрейденберг, написанные в 1947 году, лишены иронии. Едва пережив блокаду, она сомневалась, что ей удастся пережить и идеологические чистки, начавшиеся тогда в Ленинградском университете. Для Фрейденберг вера в осмысленность жизни и в свою способность интерпретировать были не только научным методом, но и стратегией выживания.

В наше время Фрейденберг, которой мало удалось напечатать при жизни, привлекает все больше внимания как оригинальный и еще не вполне оцененный теоретик культуры, разработавший самобытную концепцию мифа и особую методологию². Как классический филолог она нашла

¹ *Arendt H. Dilthey as Philosopher and Historian // Essays in Understanding. New York: Schocken Books, 1994. P. 137.*

² Краткий обзор жизни и научного наследия Фрейденберг: *Braginskaya N. Olga Freidenberg: A Creative Mind Incarcerated // Women Classical Scholars: Unsealing the Fountain from the Renaissance to Jacqueline de Romilly / Ed. by R. Wyles and E. Hall. New York: Oxford University Press, 2016. P. 286–312; Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия*

и сторонников, и противников¹. В последние годы немало писали о парадоксах посмертной репутации Фрейденберг — о запоздалом признании, при котором ее идеи оказались предвестиями открытий других; о том, как трудно критиковать концепции автора такой трагической судьбы; о столкновении поклонников и хулителей².

Помимо научного наследия, к настоящему времени представленного в печати (главным образом благодаря усилиям Н. В. Брагинской), Фрейденберг оставила огромный корпус «человеческих документов», по сей день почти не опубликованный. Через много лет после ее смерти в архиве Фрейденберг обнаружили 34 рукописные тетради автобиографической хроники под общим названием «Пробег жизни»³. В процессе писания она называла этот документ — отчасти воспоминания, отчасти дневниковые записи — записками.

«История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 11–38. См. также монографию: *Perlina N. Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington, Indiana: Slavica, 2002. Биографический материал, библиографию трудов Фрейденберг и исследований о ней см. на сайте: Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг: <http://freidenberg.ru/Vход>. Сайт курируется Н. В. Брагинской и Н. Ю. Костенко.

¹ Заметим, что враждебность по отношению к Фрейденберг сохранилась на кафедре классической филологии Петербургского университета и по сей день. В кратком очерке истории кафедры, которой она заведовала с 1932 по 1949 год, помещенном на официальном сайте филологического факультета, вовсе не упоминается ее имя. См.: <http://phil.spbu.ru/o-fakultete-1/struktura-fakulteta/kafedry/klassicheskoi-filologii> (дата обращения: 01.09.2022).

² С разных позиций о парадоксах репутации Фрейденберг писали: *Брагинская Н. В.* Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе. М.: ГУ ВШЭ, 2009. *Tihanov G.* [Review of] *Mythopoetic Roots of Literature by Olga Freidenberg*, ed. by Nina Braginskaia and Kevin Moss // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 77. № 1 (Jan., 1999). P. 160–162; *Tihanov G.* Framing Semantic Paleontology: the 1930s and beyond // *Russian Literature*. 2012. Vol. 72. Issue 3–4. P. 361–384.

³ Подробное описание текста записок см. в: *Костенко Н. Ю.* (*Глазырина*). Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: По материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг: Дипломная работа. М.: РГГУ, 1994. URL: <http://freidenberg.ru/Issledovanija/Diplom> (размещено на сайте: 2009; дата обращения: 28.08.2022). *Костенко Н. Ю.* «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: История архива Ольги Фрейденберг // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2017. № 4 (25). С. 117–127.

Фрейденберг начала свои записки зимой 1939/40 года, описав детство, отрочество и юность, или «автобиографию», с 1890 до 1917 года. Она начала новую тетрадь в мае 1942 года, чтобы описать блокаду Ленинграда, сначала ретроспективно, потом в форме дневника, прервала свою хронику в апреле 1944 года (после смерти матери) и возобновила в июне 1945-го, чтобы рассказать об окончании войны. Ей кажется, что и она не пережила войну, и она пишет с позиции мертвеца, насильно возвращенного к жизни, пишет, «чтоб только донести до чернил и бумаги рассказ о сталинских днях» (XXI: 6, 11). Вскоре она понимает, что не в силах писать, и возобновляет записки через два года. Между 1947 и 1950 годом она регулярно вела записи, документируя репрессии в Ленинградском университете для будущего историка (как и в блокаду, писала по ходу событий или по их свежим следам). В 1948–1949 годах, чтобы «заполнить лакуну», она написала воспоминания о своей жизни от поступления в университет в 1917/18 академическом году до начала войны в 1941-м. Одновременно она продолжала описывать события дня, так что хроника настоящего и воспоминания о прошлом писались параллельно. В декабре 1950 года Фрейденберг после нескольких попыток поставила точку под своей хроникой. В это время она покинула университет. Написанные в течение десятилетия, в сложной временной перспективе, записки охватывают почти всю жизнь Фрейденберг и большую часть истории двадцатого века.

Есть все основания считать, что главной частью и центральным ориентиром записок является хроника ленинградской блокады — девять тетрадей под названием «Осада человека». Когда Фрейденберг завершила свои записки, история всей ее жизни была ориентирована по оси «после блокады» и «до блокады».

Образ блокады приобрел для Фрейденберг символический смысл: это было воплощение «советского строя». Блокадный день, многократно описанный в дневниковых записях, виделся ей как «простой обыденный советский день» (XXVIII: 18, 78), а блокада, или «осада», стала своего рода полевым опытом жизни в сталинском государстве.

Записки исполнены внимания к «методу» (Фрейденберг часто употребляет это слово).

Так, Фрейденберг вполне сознательно применяла ходы той методологии, которую она разработала в своей научной деятельности, «генетическую семантику»¹. Она описывала свою жизнь через метафоры, символы и мифологические сюжеты и нередко видела свое настоящее как возвращение прошлого, а прошлое как прообраз настоящего. Метафора была для нее способом мышления: «я думала метафорами. Каждая мысль бессознательно опрокидывалась для меня образом» (XXVI: 80, 76).

Установка на научный метод в описании собственной жизни была вполне сознательной. Во время блокады (думая ночью «о себе и о науке») она сформулировала свое жизненное отношение: «я никогда не могла ставить перегородок между научной теорией и непосредственным восприятием жизни; одно выражало другое» (XVI: 122, 17).

При общем единстве герменевтического подхода и генетического метода в разных частях своих записок Фрейденберг прибегала к разным жанровым рамкам и стратегиям интерпретации.

«Автобиография» в двух тетрадах (№ I–II), сшитых в одну, представленная как «вступление» или «увертюра» к жизни, когда начнется «настоящая любовь» (I–II, 179), была написана для ее тогдашнего возлюбленного — Б. Выдержанная в лирическом тоне, напоминающем о ранней прозе Пастернака, эта часть записок исполнена пафоса любви как «особого мироощущения», наделяющего жизнь («каждый пустяк») глубокой символикой (XI: 91, 201).

¹ В нескольких словах «генетический метод» предполагал погружение вглубь истории, выявляя в культурных формах образы, метафоры, сюжеты, укорененные в мифе, а затем возвращение к современности, отслеживая трансформации смыслов во времени, от мифа к фольклору и к литературе. Этот двойной ход выстраивает мир культуры, наделенный формой и исполненный значения. О генетическом методе см.: *Tihanov G. Framing Semantic Paleontology; Троицкий С. А. Генетический метод О. М. Фрейденберг в исследовании культуры // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 39–60.*

Блокадная часть (тетради № XII-bis-XX) — это дневник (порой «ретроспективный дневник»)¹, подобный полевому дневнику этнографа, написанный с позиции антрополога — участника-наблюдателя, занятого описанием особого блокадного быта и осмыслением жизни в осажденном Гитлером городе в мифополитическом ключе: «Жизнь в преисподней, куда загнал человека кровавый спрут» (XIX: 163, 71). (Под кровавым спрутом она имеет в виду Сталина.) Это хроника ежедневной жизни в ситуации катастрофического голода и полной несвободы, когда «глотать и испражняться [человек] должен был по принуждению» (XIII: 37, 15), и каждая деталь бытовой жизни, каждая функция тела (добывание, приготовление и поглощение пищи, пищеварение и выделение) оказалась значимой.

Записки о блокаде (как и исполненные любви записки о начале жизни) насквозь пронизаны смыслом, причем это документ не только тотального семиозиса («все <...> имеет значение»), но и тотальной политизации. Это герменевтика, рожденная из опыта «осады человека», когда власть проникала в каждую клетку жизни — в теле, доме, городе.

Как покажет будущее, блокадный опыт оказался непреодолимым — и по силе травматического воздействия на человека, и по влиянию на метод интерпретации, в котором отныне будет преобладать политическое.

Записки послевоенного времени (тетради № XXI-XXXIV), как и блокадные записки, в основном написаны в форме дневника или ретроспективного дневника. Послевоенные записки также включают этнографические описания быта, выполненные в политическом ключе («быт был выдержан по-сталински» (XXVIII: 8, 49)). Как полагает Фрейденберг, «[Г]осударство, с воцарением Сталина, выработало целую систему, в которой барахтался человек» (XXIII: 34, 20). Эта «продуманная система голода и унижения», «нарочитая система „трудностей“» представлялась ей как «террор бытовой» (XXVIII: 19, 84).

¹ Нина Перлина назвала блокадные тетради Фрейденберг, в которых часть записей сделана через несколько месяцев после событий, «ретроспективный дневник» (*Perlina N. Olga Freidenberg's Works and Days*. P. 64).

Вместе с тем после войны началась «небывалая даже у Сталина реакция»; «удушье началось такое, что никто не мог дышать — не одни люди науки и искусства, но любой человек» (XXV: 63, 9–10). Фрейденберг описывает и документирует (с приложением протоколов собраний и резолюций) пережитые ею идеологические чистки и репрессии в Ленинградском университете.

Начиная с блокады и во все послевоенные годы Фрейденберг кажется, что голод, разруха и бытовые трудности, как и идеологический контроль, были результатом «продуманной», «нарочитой», то есть преднамеренной, системы государственного подавления человеческой личности.

Мысль о будущем историке и размышления о природе «сталинской системы» пронизывают и воспоминания о жизни в 1917–1941 годах (тетради № III–XII), писавшиеся одновременно с хроникой 1948/49 года. В отличие от первой «автобиографии», с ее ориентацией на будущее, и от хроники с открытым концом, которую она вела в годы блокады и после войны, это история жизни (она называет эту часть записок своей «научной биографи[ей]» (XXXII: I, 27)), которая создавалась в остром сознании того, что последовало за событиями этих лет, и притом соотношенная с большой историей.

Послевоенные записки включают в себе последовательно (хотя и не всегда эксплицитно) разрабатываемую теорию государства, которая восходит непосредственно к опыту блокады и к блокадным запискам. Как Фрейденберг решила уже после войны, «Гитлер и Сталин, два тирана, создали новую форму правления, о которой Аристотель не мог знать» (XXVIII: 7, 47), и она описывает и анализирует эту систему для историка и читателя будущего. Записки Фрейденберг — это хроника, стоящая на твердых теоретических основаниях.

Трудно сказать, входила ли разработка политической теории в намерения Фрейденберг, но даже если она не осознавала свою задачу таким образом, описывая, «как мы жили» (XVIII: 154, 79), она не только видит повседневность

в политических терминах, но и применяет к жизненным ситуациям аналитические категории и концептуальные метафоры политической философии и мифологии.

Для Фрейденберг, филолога-классика, «политика» — это производное от греческого полиса. Организующей метафорой ее политической теории является концепт *corpus politicum* (*body politic*), введенный Платоном и Аристотелем и развитый Гоббсом. Фрейденберг активно пользуется образом единого тела государства-Левиафана и идеей войны всех против всех, приходя при этом к другим выводам, нежели Гоббс. Более того, проводя параллель между телом человека и телом общества, она анализирует воздействие государственной власти на тело человека. В современных терминах мы называем такой подход биополитическим.

В подходе и концептуальном аппарате Фрейденберг можно усмотреть много общего с западной политической философией ее времени: с понятиями и идеями Ханны Арендт, Вальтера Беньямина, Карла Шмитта, Лео Штрауса, Карла Лёвита и других авторов, занятых анализом политической ситуации в Германии, о которых, работая в «полной культурной изоляции» (XXVII: 83, 9), она едва ли могла знать. Тем более значительны эти странные сближения.

Диаметрально отличаясь в оценке происходящего (Шмитт принял нацизм), эти авторы подходили к современной политике в антропологическом ключе — как к положению человека в социальном мире. Многие из них уделяли большое внимание роли мифологического мышления, пользуясь (в разных целях) образом государства-Левиафана¹.

Особенно бросаются в глаза параллели между Фрейденберг и Ханной Арендт. Подобно Фрейденберг, Арендт настаивала, что государство Гитлера и Сталина («тоталитаризм») было «новой формой правления», которая «существенно

¹ Существует большая научная литература о политической философии в Германии 1920–1930-х годов. О возрождении мифа и интересе к Гоббсу сошлемся в качестве примера на статью: *McCormick J. P. Fear. Technology, and the State: Carl Schmitt, Leo Strauss, and the Revival of Hobbes in Weimar and National Socialist Germany // Political Theory. Vol. 22. № 4. November 1994. P. 619–652.*

отличается от всех иных форм политического подавления»¹. Как и Фрейденберг, она была классиком по образованию, и для нее слово «политика» также непосредственно связывалось с греческими полисом и идеей *corpus politicum*, а в Гоббсе она видела теоретика тоталитарного государства *avant la lettre*. Во многих отношениях Арендт и Фрейденберг пришли и к сходным выводам.

Между Фрейденберг и ее современниками на Западе имеются и существенные различия. Фрейденберг выстраивала свою политическую теорию изнутри тоталитарного государства и в некоторых отношениях (главным образом, в своем видении истории) думала по-другому. Более того, работая в единственно возможной в этих условиях форме — частной, тайной хронике, — она создала политическую теорию, неотделимую от наблюдений над своей повседневной жизнью, теорию-дневник, в которой организация быта предстает как модель работы государственной системы.

Записки Фрейденберг кажутся явлением редким, если не уникальным, среди известных нам документов ленинградской блокады и сталинских репрессий. Однако зачатки такого подхода можно найти в блокадных записках (тоже тайных) современницы Фрейденберг, ленинградского литературоведа Лидии Гинзбург. Хотя и не так последовательно, как Фрейденберг, Гинзбург старается осмыслить бытовой опыт блокады в терминах политической теории и смотрит на блокаду как на модель положения человека в ситуации террора².

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма [1951] / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. С. 597.

² Заслуга анализа политической концепции, содержащейся в блокадных записках Лидии Гинзбург, принадлежит Ирине Сандомирской. См.: *Sandomirskaia I. A Politeia in Besiegement: Lidiia Ginzburg on the Siege of Leningrad as a Political Paradigm // Slavic Review. 2010. Vol. 69. № 2. P. 306–326*; Сандомирская И. Блокада в слове: Очерки критической теории и био-политики языка. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 173–265. Она указала на сходство между Гинзбург и Фрейденберг (на основании отрывков в «Минувшем»): «Блокада в слове». С. 255, сн. 187; *A Politeia in*

По всей видимости, Фрейденберг не знала не только о Ханне Арендт, но и о тех идеях, которые в то же самое время разрабатывала в своих записных книжках Лидия Гинзбург, хотя они жили на одной улице, в 350 метрах друг от друга, на противоположных сторонах канала Грибоедова¹.

Следует задуматься и о разобщении, или одиночестве, которое создало сталинское государство, и о том, что, несмотря на культурную изоляцию (о которой много пишет Фрейденберг), разные люди независимо друг от друга приходили к сходным выводам. С нашей точки зрения, это свидетельствует и о социальной разобщенности, и об общности мысли — прочнейшей из связей среди людей.

В военные и послевоенные годы Фрейденберг считала ведение тайной хроники «долгом перед историей». Она не раз обращается к непонятливому будущему историку: «Историк не поймет, как население могло выносить подобную систему подавлений и насилий. Так вот, я ему отвечаю...» (XXXII: IV, 77) Она вполне сознает опасность ведения таких записок: «И хоть я не знаю, увидят ли они свет (кто их спрячет? Куда?), я не хочу отказаться от того, что я считаю своим долгом перед историей. <...> Лучше рисковать жизнью, но тайно писать» (XXXII: I, 45).

Фрейденберг сочла необходимым упомянуть (в скобках) и о недостатках записок, которые были ей дороже жизни: «Да, я еще забыла рассказать об одной вещи (мои записки свободны от принуждения, сбивчивы, непоследовательны и написаны бедным языком, отражая утомленный и обедненный мозг)» (XXVII, 83, 12–13).

Besiegement. P. 307 ft. 2, P. 317–318 ft. 38, 40. Анализ записок Гинзбург, проделанный Ириной Сандомирской, помог мне сформулировать смысл теорий Фрейденберг. Подробнее о параллелях между Фрейденберг и Гинзбург см. в главах «Блокада» и «О мифополитической теории Ольги Фрейденберг».

¹ По всей видимости, Фрейденберг и Гинзбург не общались друг с другом, но у них были общие друзья и враги (Б.М. Эйхенбаум, В.В. Пропп, В.М. Жирмунский, Г.А. Гуковский, М.Л. Тронская и др.). Тронская, которую Фрейденберг считала своим врагом на факультете, с детских лет была приятельницей Гинзбург, она упомянута в записях и Гинзбург, и Фрейденберг.

Владея даром наблюдения, описания и формулирования, Фрейденберг действительно отнюдь не всегда пишет хорошо. В записках то и дело встречаются повторения (порой навязчивые), многословие, длинноты, сбивчивость, поспешный и бедный язык. Она часто писала быстро и всегда без черновика.

(Признаюсь, что в этой книге я в основном привожу примеры мастерского письма, замечательных описаний, блестящих формулировок, которые не вполне адекватно представляют весь текст записок длиной более чем в две тысячи машинописных страниц.)

Написанные тайно (и в этом смысле свободные от принуждения), записки Фрейденберг свободны и от соблюдения некоторых конвенций хорошего тона.

В своих моральных суждениях она бывает безжалостной и к себе, и к другим (что неприятно поразило некоторых из читавших опубликованные в отрывках записки 1940-х годов). Она включает отвратительные детали, которые нечасто встретишь даже и в интимном дневнике.

Отчасти это можно объяснить позицией антрополога. Так, в хронике блокады, как и надлежит этнографу, Фрейденберг описывает «структуру» и «функции» тела (и своего собственного тела) в ситуации голодания, включая постоянные поносы. Она описывает дом и город, покрытые экскрементами. Документируя чистки в Ленинградском университете, она описывает, не гнушаясь подробностями, склоки и интриги на кафедре, в которых видит «стоки советских академических нечистот» (XXV: 71, 43). В безжалостной хронике советского быта, будь то блокадный или послевоенный день, человек предстает «в неубранном естестве» (XXVIII: 17, 78) — фраза Фрейденберг, не стеснявшейся показать человека со спущенными штанами и в прямом, и в переносном смысле. Под ее пером хроника повседневности, во всей своей непривлекательности, получает символическое и теоретическое осмысление, обращается в этнографию, историографию, политическую теорию. Как этнограф Фрейденберг выступает в двойственной роли наблюдателя и участника, и немудрено, что порой и она может показаться читателю в неприглядном виде.

Мы, далекие потомки, не можем поставить под сомнение ни ее восприятие жизни, какой бы непривлекательной ни казалась открывающаяся картина, ни тот высокий пафос истории, который подлечит запискам, писавшимся с риском для жизни. Но роль читателя-исследователя состоит и в том, чтобы подвергать документы анализу и интерпретации.

Написанные человеком, жившим в эпоху Гитлера и Сталина, записки отражают и утомленный мозг измученного автора. И в этом состоит их ценность как документа — свидетельства об эпохе, «непревзойденной по масштабам давления власти на человека и по крепости его ответной стальной закалки»¹.

Едва ли будет преувеличением сказать, что записки Фрейденаберг — история жизни, совпавшей с революцией, двумя мировыми войнами и сталинским террором, и бытовая хроника, написанная исследовательницей культуры, которая теоретизировала свое переживание и восприятие жизни, представляют собой один из самых замечательных человеческих документов двадцатого века.

* * *

Ко времени ее смерти в 1955 году архив Фрейденаберг был упакован в железный сундук, в котором он пролежал в квартире ее наследницы, Русудан Рубеновны Орбели, до начала 1970-х годов.

История архива сама по себе свидетельствует и о времени, в котором он создавался, и о нашем времени, и заслуживает внимания.

По одной версии, первым, кто открыл этот сундук, был Ю. М. Лотман. В 1973 году он опубликовал в «Ученых записках Тартуского университета» три статьи «из научного наследия О. М. Фрейденаберг», сопроводив их своим предисловием, в котором назвал Фрейденаберг предтечей семиотического метода². Архивом заинтересовалась семья Пастернаков.

¹ Заимствую формулировку А. К. Жолковского, которую он применил к Анне Ахматовой: *Жолковский А. Анна Ахматова пятьдесят лет спустя // Звезда. 1996. № 9. С. 227.*

² *Лотман Ю. М. О. М. Фрейденаберг как исследователь культуры // Труды по знаковым системам — 6. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 308. Тарту, 1973.*

Тогда же Н. В. Брагинская обнаружила на дне сундука переписку Ольги Фрейденберг с Борисом Пастернаком¹. Опубликованная по-русски в Нью-Йорке в 1981 году, эта переписка была переведена на несколько языков и привлекла большое внимание. В России переписка публиковалась (в различных изданиях) начиная с 1988 года².

В середине 1970-х годов записные книжки Фрейденберг были переданы семье Пастернаков в Москве, перепечатаны на машинке (в объеме более чем 2400 страниц) и переправлены в домашний архив семьи Леонида Пастернака в Оксфорде. С 2015 года записки находятся в Гуверовском институте при Стэнфордском университете в Калифорнии и доступны для исследователей.

Когда переписка Ольги Фрейденберг и Бориса Пастернака была подготовлена к печати (это сделали Евгений Борисович и Елена Владимировна Пастернак, но их имена по понятным причинам не были указаны при первых публикациях в тамиздате), многочисленные отрывки из записок Фрейденберг использовались в качестве соединительной ткани между письмами.

В течение 1980-х годов в эмигрантской печати были опубликованы два фрагмента, исполненные острого политического содержания: о блокаде и о репрессиях в Ленинградском университете в 1946–1948 годах. На публикации стояло имя «Невельский», за которым скрывалась Юдифь Матвеевна Каган, классический филолог из Москвы (дочь философа Матвея Кагана, члена Невельского кружка Бахтина)³.

¹ Брагинская несколько раз рассказывала о своей находке, в последней раз в: *Брагинская Н. В.* «У меня не жизнь, а биография». С. 13.

² Первая публикация переписки: *Пастернак Б.* Переписка с Ольгой Фрейденберг / Под ред. и с коммент. Э. Моссмана. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. Среди российских публикаций особой тщательностью отличается: *Пастернак Б.* Пожизненная привязанность: Переписка с О. М. Фрейденберг / Сост., вступл. и примеч. Е. В. и Е. Б. Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000.

³ *Фрейденберг О. М.* Осада человека / Публ. К. Невельского // *Минувшее: Исторический альманах.* Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 7–44; *Фрейденберг О. М.* Будет ли московский Нюрнберг? (из записок 1946–1948) // *Синтаксис.* Париж. 1986. № 16. С. 149–163.

В 2012 году записки Фрейденаберг были использованы в документальном труде Петра Дружинина «Идеология и филология», посвященном репрессиям в Ленинградском университете в конце 1940-х годов¹. Дружинин цитировал послевоенную хронику Фрейденаберг, в частности ее резкие суждения о поведении коллег, оказавшихся объектом чисток и проработок, в качестве комментариев к опубликованным им документам. Вокруг этого разгорелась дискуссия, в ходе которой достоверность мемуарных свидетельств Фрейденаберг, а также ее моральный облик и научная состоятельность стали предметом страстной полемики. Нападки поступили со стороны филолога-классика из Ленинградского университета Ирины Левинской, которая почувствовала необходимость заступиться за учителей и коллег, представленных в записках в неприглядном виде. Левинская заявила, что Фрейденаберг была склонна считать «доносчиками и интриганами» своих соперников по науке. Брагинская ответила, что Фрейденаберг — «один из самых чистых людей, каких я знала, и нет никого, кто мог бы по праву бросить в нее камень». Она также признала, что больше сорока лет держит текст записок «под спудом», отчасти из страха такой реакции, «[н]о теперь время пришло». Тогда, в августе 2013 года, Брагинская сообщила, что весь текст записок «выложен на сайте „Архив Фрейденаберг“ под паролем и может быть открыт в один день»².

Этот эпизод не только позволяет поставить вопрос о статусе дневников и мемуаров как исторического свидетельства,

¹ Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 ч. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

² Левинская И. О филологии без идеологии: Реплика по поводу двухтомника П. А. Дружинина «Идеология и филология» // Звезда. № 8. 2013; Брагинская Н. В. Дух записок: реплика Н. В. Брагинской по поводу интеллектуального наследия О. М. Фрейденаберг и книги П. А. Дружинина «Идеология и филология» // Гефтер [Электронный ресурс]. Электрон. ж-л. 2013. 16 авг. URL: <http://gefter.ru/archive/9736> (дата обращения: 21.04.2016). Обе части полемики были также помещены на сайте «Нового литературного обозрения»: Ирина Левинская vs Нина Брагинская: полемика по поводу книги Петра Дружинина «Идеология и филология». URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3659> (дата обращения: 21.04.2016). (При попытке доступа 28 августа 2022 года обе публикации реплики Брагинской оказались недоступными.)

но и показывает эмоциональное напряжение, которое вызывают такие свидетельства у членов сообщества, даже двумя поколениями позже.

По сей день записки Ольги Фрейденберг остаются закрытыми «под паролем».

* * *

Предлагаемая читателю книга задумана как опыт чтения (интерпретации) записок Ольги Фрейденберг. Она адресована не только коллегам, ученым-гуманитариям, для которых Фрейденберг представляет интерес как исследователь и теоретик культуры, но и читателю, размышляющему о том, как «мы жили» (и как жить) под осадой, когда власть (как однажды написала Фрейденберг) пробирается «в самое сердце человека, удушая и преследуя его везде, даже наедине, даже ночью, даже в своем глубоком „я“» (XIV: 106, 109).

Смею надеяться, что когда записки будут наконец опубликованы и доступны читателю (о чем мечтала Фрейденберг), моя книга сможет послужить путеводителем по страницам этой гигантской хроники.

Особое внимание будет сосредоточено на хронике ленинградской блокады и послевоенных репрессий, и в мою задачу входит проявить ту политическую теорию сталинизма, которую Фрейденберг разрабатывала (пусть и не всегда осознанно) в записях о своей повседневной жизни.

Это теория, выстраданная как опыт и запечатленная в человеческом документе.